

Сказав это, Чжан Чжилань снова бросилась к бронзовому зеркалу, которое ранее сама же с грохотом уронила на пол. Подняв его, она всмотрелась в собственное отражение. Увидев шрам, оставшийся на лбу, она сузила зрачки и вновь издала пронзительный, полный отчаяния визг, со злости швырнув зеркало в сторону. Обхватив голову руками и непрерывно покачивая ею, она закричала:

— Это не моё лицо! Нет!

Хэ Сян опустилась на колени, низко уткнувшись лицом в пол — казалось, она надеялась, что благодаря этому Чжан Чжилань просто перестанет её замечать.

Спустя мгновение Чжан Чжилань кое-как поднялась на ноги, шатаясь, и с остекленевшим взглядом пробормотала:

— Я поняла... Кто-то хочет мне навредить, непременно хочет... Кто-то пытается меня погубить... Что же делать? Кто-то хочет сжить меня со свету, как же мне быть?..

Хэ Сян дрожала всем телом, стоя на коленях, и не смела произнести в ответ ни слова.

Внезапно Чжан Чжилань схватила Хэ Сян за плечи и закричала:

— Верно! Ступай к Ванье, передай ему, что здесь, в Резиденции генерала, кто-то покушается на мою жизнь, и умоляй его вытащить меня отсюда! Иначе я непременно умру в этой резиденции... Да, скажи ему именно так, он ведь не бросит меня в беде!..

— Супруга, вы уже вышли замуж, таковы были императорские указы... Разве может Ванье вызволить вас отсюда? — дрожащим голосом произнесла Хэ Сян.

Услышав эти слова, Чжан Чжилань исказилась в лице. Она вскочила на ноги и изо всех сил пнула Хэ Сян. Но этого ей показалось мало — повалив служанку на пол, она подскочила и добавила ещё пару ударов ногами.

Походе, известие о собственном обезображенном лице настолько сильно помутило её рассудок, что она напрочь забыла о господском милосердии и преданности слуг. Не выбирая выражения, она принялась бранить Хэ Сян:

— Ах ты, ничтожная девчонка! Ты хочешь сказать, что в таком виде я больше не буду мила Ванье?! Ну погоди, я до смерти тебя забью, шавка подзаборная!

— Пощадите, супруга! Хэ Сян оговорила, умоляю, пощадите! — сжавшись в комок на полу, Хэ Сян залилась слезами и принялась молить о пощаде.

Однако вид плачущей служанки лишь сильнее распалил свирепость в душе Чжан Чжилань. Ударов стало больше, брань — ещё грязнее и злее, она вела себя суций безумец.

Вдоволь выместив злость на Хэ Сян, Чжан Чжилань прижала руку к груди и злобно приказала:

— Ступай разыщи Ванъе! Передай ему, каково моё положение в Резиденции генерала, слышишь?!

Заливаясь слезами и соплями, Хэ Сян торопливо опустилась на колени и забила поклоны:

— Рабыня поняла, рабыня поняла, рабыня всё поняла...

Немного успокоившись после вспышки гнева, Чжан Чжилань обрела подобие рассудка. Посмотрев на Хэ Сян, она строго спросила:

— Ты знаешь, что именно нужно сказать?

— Рабыня знает, рабыня всё понимает. Рабыня исполнит всё, что велела госпожа, прошу вас, поверьте мне, — испуганно залепетала Хэ Сян.

Чжан Чжилань чуть заметно кивнула, но, окинув взглядом сжавшуюся служанку, нахмурилась:

— Ступай завтра. Сначала приведи себя в порядок.

Хэ Сян уткнулась носом в пол:

— Слушаюсь, рабыня поняла.

Слушая, как Хэ Сян раз за разом повторяет одну и ту же фразу, Чжан Чжилань почувствовала раздражение и махнула рукой:

— Убирайся.

— Слушаюсь, рабыня удаляется.

Не поднимаясь с колен, Хэ Сян начала пятиться назад. Видя её перепуганный вид, Чжан Чжилань почувствовала некоторое облегчение, но стоило её взгляду упасть на валявшееся рядом бронзовое зеркало, лицо женщины вновь помрачнело. Она бросилась вперёд и пнула его ногой:

— Вон! Пошла вон!

Получив неожиданный удар, Хэ Сян, словно пугливая птица при звуке лука, на четвереньках вылетела из комнаты Чжан Чжилань.

Глядя на зеркало у своих ног, Чжан Чжилань ощутила сильнейшее отвращение. В конце концов она подняла его с пола, подошла к туалетном столику и водворила на место. В отражении на неё глядела растрёпанная женщина — Чжан Чжилань даже не сразу узнала в ней себя!

Она коснулась пальцами зеркального отражения, а в следующее мгновение взмахнула рукой и резко сорвала собственную растрёпанную причёску. Достав из ящика стола ножницы, она

перекинула часть висевших за спиной длинных прядей на грудь и без малейших колебаний состригла их спереди.

На следующий день, прежде чем отправиться в Резиденцию князя Пина, Хэ Сян заглянула к Чжан Чжилань. Заметив новую причёску госпожи, полностью скрывавшую лоб, она невольно замерла, но тут же польстила:

— Супруга теперь выглядит ничуть не хуже прежнего, даже чуточку свежее и красивее.

Чжан Чжилань осталась довольна похвалой и кивнула:

— Ступай.

— Слушаюсь, рабыня отправляется, — ответила Хэ Сян.

В Резиденции князя Пина Чжун Сибай играл в го с Гань Цзиньюанем, как вдруг к нему подошел Фу Цюань и о чём-то тихо шепнул на ухо.

На лице Чжун Сибая промелькнуло задумчивое выражение. Спустя мгновение он поднял глаза на Гань Цзиньюаня и произвел:

— У меня здесь посетитель, тебе, пожалуй...

Гань Цзиньюань бросил взгляд на Чжун Сибая:

— Если это неуместно, я пока удалюсь.

Чжун Сибай немного поколебался:

— Не стоит. Этот человек отчасти связан и с тобой, и наверняка его визит касается твоего дома. Раз уж я обещал не вмешиваться в дела твоих владений, то не должен ничего скрывать. Лучше пройди за ширму и послушай, а решение примешь потом.

Взгляд Гань Цзиньюаня блеснул, он кивнул, поднялся с места и скрылся за ширмой.

Тогда Чжун Сибай перевёл взгляд на Фу Цюаня, и тот молча поклонился, удалившись.

Вскоре Фу Цюань вернулся, сопровождая Хэ Сян.

Глядя на служанку, Чжун Сибай бесстрастно спросил:

— Зачем ты пожаловала на этот раз?

— Это всё моя госпожа... — с сомнением произнесла Хэ Сян.

Чжун Сибай нахмурился:

— Что с твоей госпожой?

Хэ Сян внезапно рухнула на колени перед Чжун Сибайем и вымолвила:

— Моя госпожа умоляет Ванъе спасти её!

Чжун Сибай невольно опешил:

— Что на этот раз стряслось?

— Мазь Нефритового Застывания, которую вы велели мне принести в прошлый раз... Госпожа намазала ей лицо, но у неё остался шрам...

Чжун Сибай тут же перебил её:

— Невозможно! Эта мазь — вещь из императорских кладовых! И дело не в обычном ушибе лба, даже от глубокого пореза ножом не осталось бы и следа!

Хэ Сян поспешно заговорила:

— Рабыня вовсе не смеет сомневаться в Ванъе! Просто моя госпожа подозревает, что кто-то в Резиденции генерала хочет ей навредить, а потому подменил её лекарство, умышленно добываясь того, чтобы у неё остался шрам.

— Раз так, сообщите об этом молодому генералу, пусть он проведет тщательное расследование в доме, — ответил Чжун Сибай.

— Но сейчас госпожа доверяет только вам, Ванъе! Именно поэтому она прислала меня сюда, умоляя Ванъе спасти её из Резиденции генерала.

— Подожди-ка, — озадаченно произнул Чжун Сибай. — Твоя госпожа всего лишь повредила лицо, с какой стати я должен вызволять её из Резиденции генерала?

Хэ Сян продолжила:

— Госпожа говорит, что те, кто пытаются навредить ей в этом доме, в конце концов непременно лишат её жизни.

Чжун Сибай замолчал. Помолчав немного, он произнёс:

— Ступай и передай своей госпоже: в этом деле я ей помочь не могу.

— Ванъе! Если даже вы откажетесь помочь, что же делать моей госпоже? — Хэ Сян подняла голову на Чжун Сибая, её лицо выражало неподдельный ужас.

— Не бойся, я расскажу обо всём Цзиньюаню, и он во всём разберётся.

Хэ Сян замерла, всё ещё в чём-то сомневаясь, но в конце концов поклонилась до земли:

— Рабыня благодарит Ванъе.

Чжун Сибай едва заметно кивнул и велел:

— Встань.

Хэ Сян медленно поднялась на ноги, но вдруг качнулась, словно у неё подкосились ноги, и едва не упала. Чжун Сибай тут же шагнул вперед и поддержал её. Хэ Сян тихо вскрикнула от боли и рефлекторно оттолкнула его руки. Осознав, что она натворила, девушка мгновенно побледнела, испуганно рухнула на колени и принялась молить о прощении, случайно обнажив запястье, на котором красовался огромный синяк.

Брови Чжун Сибая сошлись на переносице. Велев ей подняться, он спросил:

— Откуда у тебя на руке эти следы?

На лице Хэ Сян промелькнула тень паники. Она инстинктивно коснулась запястья, но тут же опустила руку и, опустив голову, с трудом сохраняя видимость спокойствия, ответила:

— Отвечаю Ванъе, ничего особенного.

Видя, что служанка не желает вдаваться в подробности, Чжун Сибай не стал допытываться дальше.

Как только Хэ Сян покинула резиденцию, Гань Цзиньюань вышел из-за ширмы.

— Ты всё слышал, так что мне нет нужды пересказывать, — обратился к нему Чжун Сибай. — Советую тебе во всём разобраться с этой второй барышней Чжан. Какими бы ни были причины портить женщине лицо, подобная жестокость запредельна. Оставлять такого человека в вашей Резиденции генерала — сплошной вред.

Гань Цзиньюань, приблизившийся к Чжун Сибай, молча кивнул. Затем он перехватил руку Чжун Сибая и принялся рассеянно мять её в своих пальцах, судя по всему, пребывая в весьма неплохом расположении духа.

Чжун Сибай тут же выдернул руку:

— Я с тобой о серьёзных вещах говорю.

Не смутившись, Гань Цзиньюань снова притянул его руку к себе и с абсолютно невозмутимым видом изрёк:

— Когда я был на границе, мне то и дело привозили Мазь Нефритового Застывания, которую ты

отправлял.

— Вот как, — Чжун Сибай поднял взгляд на балки потолка и в очередной раз смирился, позволив Гань Цзиньюаню делать с его рукой что вздумается.

Взгляд Гань Цзиньюаня с руки переключался на лицо Чжун Сибая, и он произнёс уже вполне серьезно:

— Ты ведь на самом деле очень сильно за меня переживал.

Помолчав немного, Чжун Сибай ответил:

— На войне мечи и стрелы не разбирают правых, а ты — мой друг. Разве мог я не переживать за тебя?

Услышав это, Гань Цзиньюань смягчился взглядом:

— Раз Мазь Нефритового Застывания — вещь из императорских кладовых, она должна быть невероятно редкой. У тебя самого её наверняка по пальцам пересчитать можно было, и тем не менее ты отправлял её мне раз за разом, целых пять флаконов...

Чжун Сибай не придавал этому значения:

— Пять флаконов — пустяки. Ты же знаешь, как сильно старший брат балует меня, так что стоит мне чего-то захотеть, он тут же отдаст. К чему говорить о каких-то пяти флаконах? Пожелай я забрать всю мазь, что есть во дворце, и императорский брат прислал бы её мне до последнего тюбика. Гань Цзиньюань слегка нахмурил брови и не сильно, но и не слабо сжал руку Чжун Сибая — для Чжун Сибая это прикосновение оказалось весьма приятным.

— Так нельзя говорить, — произнес Гань Цзиньюань. — Каких бы мазей Нефритового Застывания ни было, разве хоть одна из них сравнится с твоими чувствами ко мне? И я, Гань Цзиньюань, непременно тебя не предаю.

— ...

В глазах Чжун Сибая мелькнуло странное выражение: почему слова Гань Цзиньюаня звучали в его ушах так, будто в них было что-то не то?

Развивать эту тему дальше Гань Цзиньюань не стал и сменил разговор:

— А насчет дел в моем поместье не беспокойся, я обязательно во всем разберусь, это послужит и отчетом перед тобой.

— Тебе нужно отчитываться недоме перед мной, тебе нужно дать ответ второй барышне Чжан и поместью Чжан. В конце концов, вторая барышня Чжан — законнорожденная дочь чиновника Чжан, если после такого происшествия во всем не разобраться, боюсь, это испортит отношения с чиновником Чжан.

Взгляд Гань Цзиньюаня блеснул, наполненный радостью:

— Ты всё-таки переживаешь за меня.

Чжун Сибай снова посмотрел на балки потолка и легко фыркнул:

— С чего бы мне о тебе заботиться.

Глядя на Чжун Сибая, Гань Цзиньюань не удержался и потянул его за руку к своим губам...

Едва губы Гань Цзиньюаня успели коснуться его кожи, Чжун Сибай выдернул руку и нахмурился:

— Что ты делаешь?

Гань Цзиньюань, казалось, тоже опешил. Немного помолчав, он произнес:

— Прости, я побеспокоил Ванъе.

Лицо Чжун Сибая мгновенно залила краска смущения: почему Гань Цзиньюань выразился так, будто случайно домогался какой-то девицы?

Чжун Сибай отмахнулся, не желая придавать этому слишком большого значения:

— Ладно-ладно, на этот раз прощаю, в следующий раз будь осторожнее.

Гань Цзиньюань, глядя темнеющим взглядом на руку Чжун Сибая, кивнул:

— Хорошо, в следующий раз я обязательно буду внимательнее.

Закончив прерванную шахматную партию, Гань Цзиньюань сам попрощался с Чжун Сибаем и покинул Резиденцию князя Пина. Стоило ему выйти за главные ворота, как его лицо мгновенно помрачнело.

Очевидно, отношение Гань Цзиньюаня к этому инциденту было вовсе не таким спокойным, каким он его показывал в Резиденции князя Пина. И хотя он пообещал Чжун Сибаю во всем досконально разобраться, сама мысль о том, что Чжан Чжилань прислала служанку просить Чжун Сибая помочь ей покинуть Резиденцию генерала, глубоко его разозлила!

Неужели Чжан Чжилань думала, что он не понимает, что у нее на уме? Пытаясь с помощью Чжун Сибая выбраться из его поместья, она лишь хотела избавиться от своего нынешнего положения. Тогда, пользуясь чувствами князя Пина к ней, она могла бы выйти за него замуж, стать супругой князя Пина и улететь с ним вдвоем навстречу счастливой жизни.

Какая же наглость со стороны Чжан Чжилань — она просто бредила наяву! Вернувшись в резиденцию, Гань Цзиньюань сразу же отправился к Чжан Чжилань.

Когда он только увидел Чжан Чжилань, та выглядела какой-то отрешенной. Гань Цзиньюань не стал придавать значения тому, почему она витает в облаках, и прямо потребовал:

— Отдай мне Мазь Нефритового Застывания, которую дал тебе князь Пин.

Чжан Чжилань тут же очнулась, словно ото сна. Посмотрев на Гань Цзиньюаня со злобным выражением лица и полными ненависти глазами, она спросила:

— Вы с князем Пином снова помирились?

Гань Цзиньюань бросил взгляд на стоявшую за спиной Чжан Чжилань Хэ Сян и прямо ответил:

— Тебя это не касается.

Чжан Чжилань тут же вскочила, ткнула в Гань Цзиньюаня пальцем и с невероятным гневом закричала:

— У тебя хватает наглости идти к князю Пину! Общаться с ним, вынашивая столь грязные и скрытные мысли, тебе самому не противно?!

Гань Цзиньюань равнодушно взглянул на Чжан Чжилань и отвёл в сторону её палец, который едва ли не тыкал ему в лицо:

— Разве моё отвращение может сравниться с твоим? Какие у тебя намерения, ты и сама прекрасно знаешь. Или мне нужно озвучить их вслух?

— Не смей клеветать! — Чжан Чжилань резким движением откинула со лба густую чёлку и, указав на шрам, разъярённо выпалила: — Вот неопровержимое доказательство того, что кто-то в твоей резиденции пытался мне навредить!

Гань Цзиньюань посмотрел на шрам на лбу Чжан Чжилань, его взгляд слегка дрогнул, и он глухим голосом произнёс:

— Я во всём разберусь.

— Разберёшься? — Чжан Чжилань громко рассмеялась, и её голос резко взлетел: — Да я прямо сейчас подозреваю, что это твоих рук дело! Всё ради того, чтобы испортить это лицо, которое ему так нравилось!

Гань Цзиньюань нахмурился:

— Я бы не стал заниматься подобным. Верить или нет — твоё дело, но сейчас отдай мне Мазь Нефритового Застывания, что у тебя в руках. Это важнейшая улика.

Чжан Чжилань уставилась на него:

— Её мне подарил Ванъе, с какой стати я должна отдавать её тебе? Какая еще важнейшая улика? Не нужно прикрываться громкими словами! На самом деле ты просто хочешь присвоить себе то, что Ванъе подарил мне!

— Безумие какое-то! — только и произнес Гань Цзиньюань.

Гань Цзиньюань был уверен, что у него хватит благородства не опускаться до подлых ударов по

женщине. Однако Чжан Чжилань вела себя так, будто твердо уверовала в его низость и бесчестность, выливая на него ушаты грязи. На самом деле Гань Цзиньюаня совершенно не волновало, что она о нем думает, — точно так же, как он сам считал, что у Чжан Чжилань просто началось помешательство. Но на этот раз он дал обещание Чжун Сибая, а потому нельзя было позволить Чжан Чжилань поступать так, как ей вздумается!

Что до очищения своего имени от подозрений в покушении на неё и исправления своего образа в её глазах — Гань Цзиньюань вообще об этом не думал! Если посмотреть на это с другой стороны, в её глазах он уже был безнадежно испорчен, не говоря уж о самой Чжан Чжилань, которая затаила на него жгучую обиду.

Если один человек испытывает к другому симпатию, то всё, что делает этот другой — правильно. Но если один человек питает к другому отвращение, то любые действия этого другого будут казаться неверными.

Взаимная неприязнь друг к другу — пожалуй, это как раз про него и Чжан Чжилань.

Гань Цзиньюань больше не желал тратить время на бессмысленные препирательства с Чжан Чжилань. Он посмотрел на Хэ Сян, которая всё это время старательно прикидывалась невидимкой:

— Где мазь, которую супруга мажет на голову? Ступай принеси её.

Хэ Сян испуганно посмотрела на Чжан Чжилань.

— Не смей брать! — прикрикнула на служанку Чжан Чжилань.

Хэ Сян тут же растерянно опустила голову.

— Раз так, мне не остаётся ничего другого, кроме как приказать людям самим её поискать. Сама подумай: отдашь по-хорошему или мне велеть найти её?

— Смеешь!

Гань Цзиньюань бросил взгляд на Чжан Чжилань, вышел за порог и велел стоявшей у дверей служанке:

— Отыщите мазь, которой пользуется супруга.

Те две служанки, разумеется, беспрекословно подчинились указанию Гань Цзиньюаня. Они вошли в комнату и принялись рыться повсюду, совершенно не обращая внимания на гневные окрики Чжан Чжилань — словно они вовсе их не слышали. Они обшарили каждый уголок, не пропустив ни единого потенциального места.

В конце концов, когда обе служанки вернулись к Гань Цзиньюаню, в их руках оказалась не только коробочка с лекарством. К их удивлению, нашлись и другие девичьи мелочи: любовные стихи, написанные изящным почерком кайшу, и вышитый парочкой уточек-мандаринок кисет. Они, конечно же, не думали, что всё это предназначалось их молодому генералу, поэтому, обнаружив подобные вещи, сочли своим долгом показать их ему — чтобы молодой генерал ещё отчётливее понял, что за женщина перед ним.

Бывшая первая красавица Поднебесной пала столь низко, что замышляла изменить мужу, и к тому же человек, столь пренебрегающий женской добродетелью, приходился дочерью

чиновнику Чжану — это ли не повод стать посмешищем для всех вокруг?

Гань Цзиньюань бросил взгляд на эти безделушки и сразу понял, кому именно Чжан Чжилань хотела их преподнести, только вот представиться такой возможности ей так и не довелось.

Чжан Чжилань смотрела на вещи в руках служанок, и лицо её то бледнело, то зеленело, являя собой поистине жалкое зрелище.

То, что раньше было её сокровенным тайным смущением, теперь выставили напоказ как позор. Как ей было с этим смириться?

Забрав нужную коробочку с мазью, Гань Цзиньюань приказал служанкам:

— Уничтожьте всё остальное в огне. Об этом случае никому ни слова, уяснили?

Служанки переглянулись и в один голос ответили:

— Мы всё поняли, господин.

Гань Цзиньюань слегка кивнул:

— Можете идти.

— Слушаемся.

Когда служанки удалились, Гань Цзиньюань взглянул на коробочку в своей руке и произнёс:

— Это вовсе не Мазь Нефритового Застывания.

— Этого не может быть! Это обязательно она! — взволнованно запротестовала Чжан Чжилань.

— Коробочка, в которой хранят Мазь Нефритового Застывания, изготовлена из бараньего жира и белого нефрита, а это — всего лишь обычная фарфоровая шкатулка с изящным узором. Ты всё ещё считаешь, что здесь та самая мазь?

Чжан Чжилань остолбенела. Если бы она и после этого не поняла, настоящая ли у неё в руках Мазь Нефритового Застывания или поддельная, она была бы просто круглой душой.

— Хэ Сян!

У Хэ Сян подкосились ноги, и она рухнула на колени на пол, принявшись со страхом и ужасом оправдываться:

— Рабыня ничего не знает! Когда рабыня забирала мазь, она была завернута в чёрную ткань, и я её никогда не открывала...

В Императорском дворце.

Чжун Сибай примостился на коленях Императора Ся Чандэ, притворившись спящим, и выглядел при этом тихим и послушным.

Ся Чандэ сидел на тахте, одной рукой поглаживая Чжун Сибая по голове, а другой просматривая доклады, и движения его были невероятно мягкими и осторожными.

Между ними витала атмосфера гармонии и умиротворения — поистине прекрасная и невыразимая словами.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Чжун Сибай медленно открыл глаза и посмотрел на Ся Чандэ, склонившегося над ним.

Почувствовав его взгляд, Ся Чандэ тоже опустил голову, улыбнулся и произнёс:

— Не хочешь поспать ещё немного?

Чжун Сибай покачал головой, неожиданно перевернулся на другой бок, лицом внутрь, и, протянув обе руки, обхватил Ся Чандэ за талию, а затем потёрся щекой о его колено.

Было слишком тесно...

Тело Ся Чандэ слегка напряглось: ему хотелось и отстраниться чуть дальше, и в то же время прижаться ещё ближе...

— У твоей птицы слишком дерзкий нрав, — произнёс Чжун Сибай.

Сердце Ся Чандэ ёкнуло, а Чжун Сибай тем временем продолжил:

— Я снова попытался открыть клетку. И знаешь что? Она даже не улетела.

Ся Чандэ мысленно с облегчением выдохнул, отложил доклады в сторону и приподнял Чжун Сибая, устраивая его поудобнее у себя на груди.

— Наверное, она привыкла к тебе и знает, кто её кормит? — предположил Ся Чандэ.

— Нет, она за день смотрит на меня от силы пару раз.

<http://bllate.org/book/21650/2234292>